

Научная статья

УДК 81'373.612 + 821.161.1 + 82.0
DOI 10.25205/2307-1737-2022-1-183-197

Лексема «листвень»: от фитонима к концепту

Алексей Евгеньевич Козлов¹
Франческо Варларо²

¹ Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

^{1,2} Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

¹ alexeykozlov54@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

² f.varlaro1992@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1972-3914>

Аннотация

На материале энциклопедий, художественной литературы и путевой прозы представлены наблюдения над лексико-семантическими свойствами слова «листвень» (лат. *larix dahurica*; в изучаемом контексте – *larix sibirica*). Показано, как, являясь диалектной номинацией, слово становится частью индивидуально-авторской системы.

В частности, слово начинает появляться в нехудожественных текстах, связанных с освоением Сибири и Дальнего Востока с конца XVIII в., – русских травелогов и впоследствии отчетах ИРГО. Почти во всех рассмотренных контекстах используется характерная перечислительная интонация, при этом слово включено в тот же ряд, что и нормативные фитонимы.

Рассмотренный путь слова демонстрирует специфический механизм перехода маркированного диалектного слова в нехудожественное письмо и повествовательную рефлексии над сутью слова в письме художественном. Обращаясь к местному диалекту, Д. Н. Мамин-Сибиряк и В. Г. Короленко сообщили слову необходимую образность и выразительность, которые стали конструктивной

© Козлов А. Е., Варларо Ф., 2022

частью языка деревенской прозы второй половины XX в. и новой путевой прозы XXI в. Прецедентным текстом становится именно «Прощание с Матёрой», где лиственница как мировое древо не только трансформируется в диалектный «лиственъ», но и обретает иной морфологический и семантический род ($N_{f+sing} \rightarrow N_{m+sing}$). В современной литературе слово превращается в топос – элемент повествования, варьируемый, повторяемый и узнаваемый читателем. В связи с этим возникает вопрос о переводах слова «лиственъ» на другие языки. Приведение этой лексемы к ее точному литературному эквиваленту – «лиственница» – существенным образом обедняет стиль, дискурс и сюжетные возможности, заключенные в рассматриваемой лексеме.

Ключевые слова

универсалии, вербальная культура, фитоним, Сибирь и Дальний Восток, травелог, деревенская проза, Короленко, Мамин-Сибиряк, Распутин, Иванов

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884)

Для цитирования

Козлов А. Е., Варларо Ф. Лексема «лиственъ»: от фитонима к концепту // Критика и семиотика. 2022. № 1. С. 183–197. DOI 10.25205/2307-1737-2022-1-183-197

The Way of *listven'* in the Russian and Siberian Worldview: From Phytonym to Concepts

Alexey E. Kozlov¹, Francesco Varlaro²

¹ Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

^{1,2} Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ alexeykozlov54@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

² f.varlaro1992@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1972-3914>

Abstract

The article is devoted to the study of the semantic properties of the dialect word *listven'* ("larch") in the narrative prose. Based on the material of encyclopaedias, fiction

and travel prose, observations on the lexical and semantic properties of the word “larch” (lat. *Larix dahurica*; in the studied context – *larix sibirica*) are presented. It is shown how, being a dialect nomination, the word becomes a part of the individual author’s system. In the treatise of Vitruvius, the word *Larix* is associated with the name of the citadel Larignum. The historian talks about the fire that started during the storming of the fortress and mentions the amazing durability of the tree. The idea of *Larix* as being of the same root as the Latin *laridum* is widespread, which gives the tree a metaphorical resemblance to body. As M. Statley notes, in European shamanism the world tree was often depicted as a larch. It is significant that all these options are equally reflected in the modern village prose, in particular, in the work of V. Rasputin “Farewell to Matera” (1976). The purpose of the article is to trace the stages that a given lexeme goes through on the way from a phytonym to a concept. In particular, the word begins to appear in non-fiction texts related to the development of Siberia and the Far East from the end of the 18th century, for example the Russian travel logs and subsequently reports. In almost all of the considered contexts, a characteristic enumerative intonation is used, while the word is included in the same row as the normative phytonyms. In some contexts, the properties of the tree are recorded, which can be considered proto-metaphors: the extraordinary strength of the wood, the ugliness of the tree itself, and, finally, frequent comparisons of the bark of larch with human skin or paper are noted. These remarks are given in passing and are not developed into a narrative. Ethnographers were not very interested in the picture of the world of the indigenous people, so the rich folklore, pagan idea of larch as the center of hulde. That’s correlated with the spirit or personality of a person in the religion of the Druids, remained out of sight. The considered path of the word demonstrates the specific mechanism of the transition of a marked dialect word into non-fiction writing and narrative reflection on the essence of the word in fiction writing. Referring to the local dialect, D. N. Mamin-Sibiriyak and V. G. Korolenko gave to the word the necessary imagery and expressiveness, which became a constructive part of the language of rural prose of the second half of the 20th century, that is to say the new travel prose of the 21st century. Of course, with the development of Siberian literature, these ideas reached their positions in the prose of L. M. Leonova, V. N. Rasputin, E. Aypin and many others. “Farewell to Matera” becomes a precedent text, where larch as a world tree is not only transformed into a dialectal “larch”, but also acquires a different morphological and semantic genus ($N_{f + sing} \rightarrow N_{m + sing}$). In modern literature, the word turns into a topos, or rather a narrative element that is variable, repeated and recognizable by the reader. In this regard, of course, the question arises of translations of the word “larch” into other languages. Of course, bringing this lexeme to its exact literary equivalent, “larch” significantly impoverishes the style, discourse and plot possibilities contained in the lexeme under consideration.

Keywords

universals, verbal culture, phytonym, Siberia and the Far East, travelogue, village prose, Korolenko, Mamin-Sibiriyak, Rasputin, Ivanov

Acknowledgements

This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences “Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language” supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract no. 075-15-2019-1884

For citation

Kozlov A. E., Varlaro F. The Way of *listven'* in the Russian and Siberian World-view: From Phytonym to Concepts. *Critique and Semiotics*, 2022, no. 1, pp. 183–197. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2022-1-183-197

Среди многочисленных универсалий вербальной культуры значимое место занимают номинации предметного мира, соотносимого с живой природой: наименования растений, животных, птиц. Специфика этих номинаций зачастую маркирует разлом, пролегающий между архаической пантеистической культурой, преимущественно устной, и христианством, исключая из картины мира такие представления, которые находятся вне этой лингвокультурной парадигмы [Леви-Стросс, 2001; Дампилова и др., 2020]. Зачастую внутренняя форма слова сохраняет в себе эту специфику: так, например, в трактате Витрувия слово *Larix* связывается с названием цитадели *Larignum*. Историк рассказывает о пожаре, начавшемся во время штурма крепости, и упоминает об удивительной стойкости дерева¹ [Stutley, 2003]. Не менее распространенным является представление

¹ В «Ognissanti» А. Манзони лиственница и ольха, демонстрируют сопротивление стихиям воды и огня:

«Che il pino flessibile agli austri
Che docile il salcio alla mano,
Che il larice ai verni, e l'ontano
Durevole all'acque creò»

(Manzoni A. *Opere varie*, Fratelli Rechiedei Editori. Milano, 1882, p. 65).

«Что сосну, непреклонную южным ветрам,
Что послушную руке иву,
Что лиственницу к зимам и ольху,
устойчивую к воде, создал»
(пер. Ф. Варларо).

о *Larix* как однокоренном с латинским *laridum*, что сообщает дереву метафорическое сходство с телом и плотью². Как замечает М. Статли, в европейском шаманизме мировое древо часто изображалось как лиственница [Stutley, 2003].

Знаменательно, что все эти варианты в равной мере отражаются в современной деревенской прозе, в частности в произведении В. Распутина «Прощание с Матёрой» (1976). Однако в индивидуально-авторской системе слово *листвень* оказалось насыщено смыслами, значительно превосходящими его узкое значение³. Представая метафорой времени и пространства, слово наделяло известный предмет новой онтологией [Polowy, 2008; Сухих, 2012; Разуvalова, 2015].

Тем интереснее проследить этапы, которые проходит данная лексема на пути от фитонима к концепту (топоним *Листвень* / *Листвен* остается за рамками настоящего исследования)⁴.

Изучение письменных источников позволяет сделать несколько выводов. Слово не отражается в энциклопедиях и словарях XVIII – первой половины XIX в., оно не фиксируется В. И. Далем в прижизненных изданиях словаря «Живого великорусского языка» как фитоним⁵. Однако уже

---

² В «Il fastello della mirra» Г. Д'Аннунцио лиственница выступает как символ бессмертия:

«Mi fingevo che dalla durezza del larice sgorgassero due mammelle come dalla stuoia dei solitari tentati nel deserto; mi fingevo che al mio desiderio si fendesse il larice immortale che non si fende mai» (*D'Annunzio G. Il fastello della mirra, Bibliotheka Edizioni, Roma, 2018, p. 16*).

«Мне казалось, что из твердыни лиственницы появились две груди, как из цинковки отшельников, подвергшихся искушению в пустыне; я воображал, что по моему повелению треснула бессмертная лиственница, которая никогда не трескается» (пер. Ф. Варларо).

³ Для носителя современного русского литературного языка эта лексема не является нормативной и, судя по данным эксперимента, распознается как авторское слово или окказионализм. Эксперимент проводился в течение трех лет на базе школ г. Новосибирска и Новосибирской области. Из 750 респондентов (учащихся старших классов) свыше 500 назвали слово незнакомым (агнотим), около 400 предположили, что слово относится к авторским неологизмам (в основном, ученики 11-го класса), одна треть опрошенных отнесла слово к диалектизмам.

⁴ Мы опираемся на подход, представленный в работах: [Гончарова, 2007; Берендеева, 2016; Гарбуйо, 2014; Варларо, 2021].

⁵ Слово фиксируется в издании словаря, подготовленном Бодуэном де Куртенэ, как один из вариантов слова *лиственница* с сохранением рода.

в «Словаре Императорской академии наук» (1864) и изданном спустя десять лет «Русском энциклопедическом словаре» (1874) приводится соответствующую дефиниция: «**Листвень**, сибирское название дерева **лиственницы**»⁶.

Важную лексикографическую работу в изучаемый период осуществил Г. Н. Потанин. Перечисляя особенности и «неправильности», которые «свойственны именно сибирской речи», Потанин приводит примеры особенного образования окончаний слов: «желтыш, белыш (желток и белок в яйце), улка, церква, потона (потон), кожуха (скорлупа), начин (начало), голяшки (голенища), цыпушки (цыплята), назвище (название), каждой, поздной (поздний), пигалка вместо пигалица, ветренка вм. ветренница, медунка вм. медуника и проч. Пихтач, пихтарник, кедрач, **лиственень** (**лиственница**), обуи вм. обувь, улье вм. улей»⁷.

Однако лексикографической рефлексии предшествовал этап фиксации и дескрипции лексем. В частности, слово начинает появляться в нехудожественных текстах, связанных с освоением Сибири и Дальнего Востока, с конца XVIII в. – в русских травелогах и впоследствии в отчетах ИРГО. Об этом свидетельствуют данные НКРЯ и составленный нами корпус текстов⁸, в котором слово «лиственень» встречается в 45 % случаев. Так, уже в путешествии Г. А. Сарычева (1790) можно встретить упоминание, подразумевающее, что адресат имеет представление о материальных качествах сравниваемых пород:

Против самого судна на берегу вырубали в лесу запасные стеньги, реи, лиссель-шприты и несколько бревен из Американской ели, которая, хотя с виду и походит на нашу ель, но крепостию и вязкостию превосходит и **саму лиственень**; хвоя на нем мягкая, как на **лиственени**⁹.

---

⁶ Словарь церковно-славянского и русского языков, составленный вторым отделением Императорской академии наук. СПб., 1867. Т. 1; Русский энциклопедический словарь, издаваемый профессором И. Н. Березиным. М.; СПб., 1874. Т. 1. Отд. 3. С. 409ю

⁷ Потанин Гр. Н. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этнографический сборник. СПб., 1864. С. 4.

⁸ Под корпусом понимается массив текстов (65 единиц, объединенных тематическим (этнография) и спациональным (путешествие по Сибири и Дальнему Востоку) параметрами, имеющих необходимую для дистрибутивного анализа разметку.

⁹ Сарычев Г. А. Путешествие флота капитана Сарычева по Северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному Океану, в продолжение осьми лет,

Очевиден и метонимический перенос: *листвень* здесь означает не само дерево, а древесину. Наиболее распространенный вариант словоупотребления в составленном корпусе встречается при описании ландшафтов и флоры Сибири и Дальнего Востока.

Несмотря на продолжительный дождь во время плавания, несколько раз видели мы горящие леса на великих пространствах вдоль берегов. Мелкий кустарник и сухой валежник были большею частью уже сожжены, но исполинские сосны и **лиственни**, совершенно объятые пламенем, стояли густыми рядами, подобно огромным огненным столбам, и отражавшимся от них в реке заревом, при ужасном треске смолистого хвойника, представляли, особенно ночью, великолепное зрелище. Подобные лесные пожары, простирающиеся нередко верст на сто, случаются здесь довольно часто, и почти всегда от беспечности промышленников или проезжих: они не гасят огня, разводимого ими для приготовления пищи или для того, чтобы посредством дыма избавиться ночью от комаров, омрачающих здесь воздух своими, подобно облакам, густыми роями и причиняющих нестерпимое мучение¹⁰;

Листья на деревьях желтеют, прибрежные дубравы становятся разноцветными; особенно красив вид **листвень**: ярко отделяются их стройные группы между темною зеленью еловых лесов и боров сосновых¹¹.

... по всем порогам усурийским присоединяется пихта (*Pinus Pichta*) и ель (*Abies ajanensis*) и наконец даже сибирская **листвень** (*Larix dahurica*), последняя уже около самых истоков¹²;

В местах, где образовались провалы, растут деревья, преимущественно **листвень** и рябина, а из кустарников смородина и малина¹³;

Листвень – с глубокой вырезкой на чешуях шишек – составляет единственную породу леса, или вернее тундренной тайги, в знакомой нам поньне части реки, у которой мы находимы. Эта же порода, за малыми исключениями, которые можно усмотреть из предыдущего занимает все пространст-

---

при Географической и Астрономической морской Экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса. СПб., 1802. С. 67.

¹⁰ Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф. П. Врангеля. СПб., 1841. С. 303.

¹¹ Дневник В. Н. Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах // Известия ИРГО. 1853. С. 96.

¹² *Максимович*. Очерк верхнего Усури и юго-восточного Манчжурского побережья // Записки ИРГО. 1861. Кн. 2. С. 5.

¹³ *Шперк Ф.* Верхоленский округ Иркутской губернии // Медико-топографический сборник. СПб., 1865.

во от р. Тунгуски. Она подлежит многим уродливостям, обыкновенно имеет здесь спирально извитый ствол и сравнительно весьма ветвиста. Из числа выразительных и количественно приметных уродливостей здесь развита, впрочем, только коротковетвистая, которая делает листвень, подобно ели¹⁴.

Почти во всех рассмотренных контекстах используется характерная перечислительная интонация, при этом слово включено в тот же ряд, что и нормативные фитонимы. В некоторых контекстах фиксируются свойства дерева, которые можно считать протометафорами: отмечается необыкновенная крепость древесины, уродливость самого дерева и, наконец, частотны сравнения коры лиственницы с кожей человека или бумагой. Эти замечания даны походя и не развернуты в нарратив.

Проследив «путь слова» в русских травелогах и энциклопедиях, отметим: оно не является универсалией. Этнографы мало интересовались картиной мира коренных жителей, поэтому вне поля зрения осталось богатое фольклорное, языческое представление о листвени как средоточии **һулдэ** – соотносимого с духом или личностью человека¹⁵ [Содномпилова, 2007; Рымарева, Себелева, 2018; Малышева, Осорова, 2020]. Этим объясняется и то, что в русской классической литературе слово не фиксируется: при тех обертонах, которыми наделяются береза, дуб¹⁶ и ясень¹⁷ – деревья средней полосы России, лиственница остается вне поля художественной рефлексии.

Обращение к НКРЯ показывает, что перелом происходит в прозе конца XIX в. Это связано с появлением новой генерации писателей, в равной мере вовлеченных в этнографическое изучение Урала, Сибири и Дальнего Востока и решающих на этом материале задачи идеологические, в том числе связанные с самоидентификацией [Анисимов, 2005; Толстоноженко,

---

¹⁴ Оленекская экспедиция Письма А. Л. Чекановского к секретарю Общества. 6 июня 1874 г. // ИРГО. 1874. Т. 10.

¹⁵ Отметим сходство западноевропейских друидических представлений и концептов в лингвокультуре коренных народов Сибири и Дальнего Востока.

¹⁶ См. хрестоматийные тексты: стихотворение А. А. Фета «Учись у них – у дуба, у берёзы», фрагмент из романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Разумеется, этими примерами не исчерпывается словоупотребление.

¹⁷ Внутренняя форма слова «ясень» обыгрывается в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети»: *Не находите ли вы, – начал Аркадий, – что ясень по-русски очень хорошо назван: ни одно дерево так легко и ясно не сквозит на воздухе, как он* (Тургенев И. С. Отцы и дети // Тургенев И. С. Собр. соч.: В 30 т. М.: Наука, 1981. Т. 7.).

2019; Горбенко, 2020; Козлов, 2020]. Именно этим, на наш взгляд, объясняется частотность слова «лиственень» в художественном языке Д. Н. Мамин-Сибиряка и В. Г. Короленко.

Мамин-Сибиряк, открывая для читателя метрополии очарование естественного и дикого мира, делает лиственень частью создаваемого вербальными средствами пейзажа: «Вот как глухарей по осеням на **листвени** облаивала... спелую белку искала!...»¹⁸, «Гордо поднимали свои пирамидальные вершины столетние поседевшие ели; воздушными стрелками, как готические башенки, летели прямо в небо молодые бархатные ели, и, широко раскинув свои могучие ветви, светло-зелеными шапками поднимались над всем лесом старые **листвени**»¹⁹. Не исключено, что выбор рода в этом фрагменте обусловлен ритмом и семантикой фразы.

Оптика Короленко также преодолевала узость колониализма, включая картины мира бесписьменных народов в картину миру писателя. Знаменательно, что «лиственень» и «лиственница» маркируют разные речевые пространства: нормативное слово принадлежит, как правило, автору-повествователю, в то время как его диалектный извод атрибутируется именно персонажу-рассказчику, носителю другого ментального пространства. В повести «Марусина заимка» (1899), в частности, слово появляется в речи пахаря Тимохи, живущего на своеобразном фронтире: его соседями оказываются буряты, татары и малороссы²⁰.

Короленко одним из первых русских писателей, обращаясь к олицетворениям, расширяет узус, выводя «лиственень» и «лиственницу» за пределы фитонима. Так, в «Марусиной заимке» описанные с деревом метаморфозы (используются оба варианта номинации) отсылают читателя к рассказу Г. И. Успенского «Выпрямила» (1889):

Несколько лет назад деревцо, очевидно, подверглось какому-то нападению: вероятно, какой-нибудь враг положил свои личинки в сердцевину, – и рост дерева извратился: оно погнулось дугой, исказилось. Но затем, после нескольких лет борьбы, тонкий ствол опять выпрямился, и дальнейший рост

¹⁸ Мамин-Сибиряк Д. Н. Вольный человек Яшка // Мамин-Сибиряк Д. Н. Избранное. М.: ГИХЛ, 1962. С. 63.

¹⁹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Золотуха // Мамин-Сибиряк Д. Н. Избранное. М.: ГИХЛ, 1962. С. 105.

²⁰ Заметим, что «Марусина заимка» отражает в своем сюжете основные коллизии, впоследствии воспроизведенные А. И. Солженицыным в рассказе «Матренин двор».

шел уже безукоризненно в прежнем направлении: внизу опадали усохшие ветки и сучья, а вверху, над изгибом, буйно и красиво разрослась корона густой зелени.

И мне показалось, что я понял тихую драму этого уголка ²¹.

Как Г. И. Успенский, Короленко строит свой текст на ассоциациях, возникающих между своего рода эталоном (Венера Милосская, дерево в лесу) и его частным отражением, предельно далеким от оригинала-эталона. И в том, и в другом случае особую роль играет работа памяти, посредством которой становятся возможными соответствия и корреляции.

«Выпрямилась», – подумал я по прочтении этого письма. Мне опять вспомнилась молодая искалеченная лиственница... Даже эти побои... Вероятно, Марье приходит при этом в голову, что, – не будь всего того, что вырвало ее из родной среды, – какой-нибудь «чоловік Тиміш» где-нибудь в своей губернии так же напивался бы, так же куражился, так же поколачивал бы ее в родной деревне... На то он «чоловік», свой, родной, «законный».

У всякого свои понятия о счастье... ²²

Заметим, что средствами художественного языка, проводя параллель между деревом и человеком, Короленко возвращается к фольклорному, архаизированному представлению о *хулдэ*. Разумеется, по мере развития сибирской литературы эти представления завоевывали свои позиции в прозе Л. М. Леонова, В. Н. Распутина, Е. Айпина и мн. др. ²³

Как уже отмечалось, прецедентным текстом становится именно «Прощание с Матёрой», где на фоне реалистической коллизии, основанной на поколенческом конфликте, разворачивается коллизия иного рода. Как пишет об этом И. Сухих, царский листвен у В. Н. Распутина – это «мировое дерево, один из ключевых образов разных мифологий» [Сухих, 2012, с. 303]. В этом отношении Распутин, как и Короленко, дифференцирует два разных речевых пространства.

---

²¹ Короленко В. Г. Марусина заимка // Короленко В. Г. Избранные произведения. Л., 1986. С. 245.

²² Там же. С. 250.

²³ Параллельно отметим влияние лагерной литературы, в которой лиственница и стланик становятся синонимом человека, знаком его возрождения [Гончарова, 2007; Варларо, 2021].

Там же, как царь-дерево, громоздилась могучая, в три обхвата, вековечная **лиственница** (**лиственень** – на «он» знали ее старики), с прямо оттопыренными тоже могучими ветками и отсеченной в грозу верхушкой²⁴.

Рассматриваемая лексема принадлежит речевому сознанию старшего поколения. Однако именно интерференция этого сознания с сознанием повествователя определяет специфику нарратива. Лиственница в повести Распутина не только трансформируется в диалектный «лиственень», но и обретает иной морфологический и семантический род ($N_{f+sing} \rightarrow N_{m+sing}$)²⁵. Обратим внимание на то, что смена рода открывает принципиально иной потенциал рассматриваемой лексемы, отмеченный И. Сухих: «Матёра – это и мир мифа, царского лиственя и Хозяина» [Там же, с. 315] и рядом других исследователей [Куликова, 2016, Рымарева, Себелева, 2018].

Разумеется, в авторском тексте узус слова расширяется, изменяются его морфологические свойства и семантические валентности. Происходит присвоение лексемы индивидуально-авторской системой, за счет чего возникает восприятие слова не только как диалектного, но и окказионального. Этот потенциал слова, в частности, хорошо почувствовал современный писатель Алексей Иванов. В своей книге-травелог «Message: Чусовая» (2014) он цитирует путеводители, исторические источники и путевую прозу Д. Н. Мамина-Сибиряка. В главке с говорящим названием «Исчезнувшая деревня Копчик» Иванов приводит слова местного жителя, якобы зафиксированные филологами УрГУ в 1959 г.: «На Дуниной горе сейчас стоит пень от старого **лиственя**, его зовут “вогульским пнём”... Он давно засохший стоит, верхушку ему молнией сбило»²⁶. Не названный здесь источник (повесть Распутина) вовлекает читателя в игру, где устойчивым маркером становится морфологический и семантический род слова. Так, слово превращается в топос – элемент повествования, варьируемый, повторяемый и узнаваемый читателем. В связи с этим возникает вопрос о переводах слова «лиственень» на другие языки. Разумеется, приведение этой лексемы к ее точному литературному эквиваленту «лиственница»

²⁴ Распутин В. Н. Прощание с Матёрой. М., 1980. С. 43.

²⁵ Заметим, что в переводе романа «Властелин колец» конца 1980-х гг. (А. А. Кистяковский, В. С. Муравьев) имя патриарха вековечного леса Фангорн – **Древень**. При этом номинация антропоморфных деревьев дана через слово **онты** (соотносимое с онтологией и бытием), а не **энты**, как в других переводах.

²⁶ Иванов Ал. Message: Чусовая. М., 2014.

существенным образом обедняет стиль, дискурс и сюжетные возможности, заключенные в рассматриваемой лексеме.

Итак, рассмотренный путь слова демонстрирует специфический механизм перехода маркированного диалектного слова в нехудожественное письмо и повествовательную рефлексию над сутью слова в письме художественном. Обращаясь к местному диалекту, Д. Н. Мамин-Сибиряк и В. Г. Короленко сообщили слову необходимую образность и выразительность, которые стали конструктивной частью языка деревенской прозы второй половины XIX в. и новой путевой прозы XXI в. Художественная литература, часто независимо от фольклора, открывает метафорические свойства слова, приближая его к концепту, открывая перспективы для его изучения в диахроническом аспекте.

Список литературы

Анисимов К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: особенности становления и развития региональной литературной традиции: Дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2005.

Берендеева М. С. Фитоморфная метафора в современном религиозном дискурсе // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 9. С. 22–35.

Варларо Ф. Образ дерева в «Колымских рассказах» Варлама Шаламова и в их переводах на итальянский язык // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 317–330. DOI 10.17223/18137083/76/23

Гарбуйо И. Фитометафоры в русском и итальянском языках: лексикографический и лингвокультурологический аспекты // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2014. № 7 (336). С. 96–100.

Гончарова В. Н. Лингвокультурологический анализ художественного концепта «стланик» (на материале «Колымских рассказов» и «Колымских тетрадей» В. Т. Шаламова) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2007. № 8 (80). С. 62–65.

Горбенко А. Ю. Овидии с провинциальных берегов: автомифотворчество сибирских литераторов конца XIX – первой трети XX века // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2020. № 65. С. 180–192. DOI 10.17223/19986645/65/11

Дамтилова Л. С., Силантьев И. В., Ким И. Е., Кузьмина Е. Н., Шатин Ю. В. Универсалии вербальной культуры: в поисках общего понятия // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 9–28. DOI 10.17223/18137083/73/1

Козлов А. Е. «Сибирские литературные воспоминания» Н. М. Ядринцева: память жанра и конструирование идентичности // Вестник Том. гос. ун-та. 2020. № 459. С. 46–51. DOI 10.17223/15617793/459/5

Куликова И. М. Мифологическая парадигма в моделировании художественного пространства в творчестве В. Распутина // Символ науки. 2016. № 3–4. С. 210–215.

Леви-Стросс К. Структурная антропология = *Anthropologie structurale* / Пер. с фр. В. В. Иванова. М., 2001. 512 с.

Мальшиева Н. В., Осорова М. А. Фоноструктурные особенности якутских наименований лекарственных и пищевых растений в сравнении с эвенкийскими лексемами // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2020. № 4 (109). С. 79–85.

Разувалова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. М.: НЛО, 2015.

Рымарева Е. Н., Себелева А. В. Концепция «мирового древа» в произведениях обских угров // Нижневартровский филологический вестник. 2018. № 1. С. 63–67.

Содномпилова М. М. Доминантные символы бурятской традиционной культуры: *дерево, лес* // Народы и религии Евразии. 2007. № 1. С. 206–220.

Сухих И. Н. Русский канон: Книги XX века. М.: Время, 2012.

Толстоноженко О. А. К вопросу о конструировании профессиональной идентичности писателей-самоучек в начале XX века // Летняя школа по русской литературе. 2019. № 2 (3). С. 207–220.

Polowy T. *The Novellas of Valentin Rasputin: Genre, Language and Style*. Peter Lang Inc, 2008. 262 p.

Stutley M. *Shamanism: An Introduction*. London: Routledge, 2003. 148 p.

Reference

Anisimov K. V. Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX veka: osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii [Problems of the poetics of Siberian literature in the 19th – early 20th centuries: Features of the formation and development of the regional literary tradition]. Dr. Philol. Sci. Diss. Tomsk, 2005. (in Russ.)

Berendeeva M. S. Fitomorfная метафора в современном религиозном дискурсе [Phitomorphic metaphor in contemporary religious discourse]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2016, vol. 15, no. 9: Philology, pp. 22–35. (in Russ.)

Dampilova L. S., Silantev I. V., Kim I. E., Kuzmina E. N., Shatin Yu. V. Universals of verbal culture: in search of a common concept. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, pp. 9–28. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/1

Garbuyo I. Fitometafory v russkom i ital'yanskom yazykakh: leksikograficheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty [Phytometaphors in Russian and Italian languages: lexicographic and linguoculturological aspects]. *Vestnik Chelyabinskogo universiteta*, 2014, no. 7 (336), pp. 96–100. (in Russ.)

Goncharova V. N. Lingvokul'turologicheskiy analiz khudozhestvennogo kontsepta “stlanik” (na materiale “Kolymских рассказов” i “Kolymских тетрадей” V. T. Shalamova) [Linguoculturological analysis of the artistic concept “elfin tree” (based on “Kolyma stories” and “Kolyma notebooks” by V. T. Shalamov)]. *Bulletin of SUSU. Series: Social Sciences and Humanities*, 2007, no. 8 (80), pp. 62–65. (in Russ.)

Gorbenko A. Yu. Ovidii s provintsial'nykh beregov: avtomifotvorchestvo sibirskikh literatorov kontsa XIX – pervoy treti XX veka [Ovids from the Province: Self-Myth-Making of Siberian Writers of the End of the 19th to the First Third of the 20th Centuries]. *Tomsk State University Journal of Philology*, 2020, no. 65, pp. 180–192. (in Russ.) DOI 10.17223/19986645/65/11

Kozlov A. E. “Sibirskie literaturnye vospominaniya” N. M. Yadrintseva: pamyat' zhanra i konstruirovaniye identichnosti [“Siberian Literary Memories” of Nikolai Yadrintsev: Genre Memory and Identity Construction]. *Tomsk State University Journal of Philology*, 2020, no. 459, pp. 46–51. (in Russ.) DOI 10.17223/15617793/459/5

Kulikova I. M. Mifologicheskaya paradigma v modelirovanii khudozhestvennogo prostranstva v tvorchestve V. Rasputina [The mythological paradigm in the modeling of artistic space in the works of V. Rasputin]. *Simvol nauki*, 2016, no. 3–4, pp. 210–215. (in Russ.)

Levi-Strauss K. Strukturnaya antropologiya = Anthropologie structurale [Structural anthropology = Anthropologie structurale]. Moscow, 2001, 512 p. (in Russ.)

Malysheva N. V., Osorova M. A. Fonostrukturnye osobennosti yakutskikh naimenovaniy lekarstvennykh i pishchevykh rasteniy v sravnenii s evenkiyskimi leksemami [Background structural features of Yakut names of medicinal and food plants in comparison with Evenk lexemes]. *Vestnik ChGPU imeni I. Ya. Yakovleva*, 2020, no. 4 (109), pp. 79–85. (in Russ.)

Polowy T. The Novellas of Valentin Rasputin: Genre, Language and Style. Peter Lang Inc, 2008. 262 p.

Razuvalova A. Pisateli-“derevenshchiki”: literatura i konservativnaya ideologiya 1970-kh godov [Village Writers: Literature and Conservative Ideology of the 1970s]. Moscow, 2015. (in Russ.)

Rymareva E. N., Sebeleva A. V. Kontseptsiya “mirovogo dreva” v proizvedeniyakh obskikh ugrov [The concept of the “world tree” in the works of the Ob Ugrians]. *Nizhnevartovskiy filologicheskiy vestnik*, 2018, no. 1, pp. 63–67. (in Russ.)

Sodnompilova M. M. Dominantnye simvolyy buryatskoy traditsionnoy kul'tury: *derevo, les* [Dominant symbols of the Buryat traditional culture: *tree, forest*]. *Narody i religii Evrazii*, 2007, no. 1, pp. 206–220. (in Russ.)

Stutley M. Shamanism: An Introduction. London, Routledge, 2003, 148 p.

Sukhikh I. N. Russkiy kanon: Knigi XX veka [Russian Canon: Books of the 20th century]. Moscow, 2012. (in Russ.)

Tolstonozhenko O. A. K voprosu o konstruirovanii professional'noy identichnosti pisateley-samouchek v nachale XX veka [To the question of constructing the professional identity of self-taught writers at the beginning of the 20th century]. *Letnyaya shkola po russkoy literature*, 2019, no. 2 (3), pp. 207–220. (in Russ.)

Varlaro F. Concept of tree in Varlam Shalamov’s “Kolyma tales” and their translations into Italian. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 3, pp. 317–330. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/76/23

Информация об авторах

Алексей Евгеньевич Козлов, кандидат филологических наук

SPIN 7472-7780

Author ID 681070

Франческо Варларо, аспирант

Information about the Authors

Alexey E. Kozlov, Candidate of Sciences (Philology)

SPIN 7472-7780

Author ID 681070

Francesco Varlaro, PhD Student

Статья поступила в редакцию 10.12.2021;

одобрена после рецензирования 12.03.2022; принята к публикации 15.03.2022

The article was submitted 10.12.2021;

approved after reviewing 12.03.2022; accepted for publication 15.03.2022